

Все начинается с “Форда” на узкой подъездной дорожке, работает двигатель, от сладкого шелеста жимолости тяжелеет августовский воздух. Девочки на заднем сиденье держатся за руки, окна опущены, в машину сочится ночь. Играет радио, но потом водитель, внезапно занервничав, его выключает.

Они перелезают через ворота, до сих пор увешанные рождественскими гирляндами. Наталкиваются сначала на глухую тишину в домике сторожа, сам сторож дремлет на диване, голые ноги уложены одна на другую, будто булки. Его подружка в ванной, стирает с глаз размазанные полумесяцы туши.

Затем — в большой дом. В гостевой спальне они поднимают на ноги читающую женщину. Подрагивающий стакан с водой на тумбочке, влажный хлопок ее трусов. Пятилетний сын лежит у нее под боком, бормочет непонятную ерунду, борясь со сном.

Они стгоняют всех в гостиную. Миг, когда перепуганные люди понимают, что сладостная будничность их жизней, утренний глоток апельсинового сока, крен велосипеда на повороте — уже позади. Их лица меняются, точно открываются ставни, отмыкается что-то за глазами.

Сколько раз я воображала себе эту ночь. Мрачная дорога в горах, бессолнечное море. Женщина лежит на темной лужайке. И хотя с годами детали поблекли, затянулись вторым, третьим слоем кожи, именно об этом я сразу подумала, когда ближе к полуночи заскрежетал замок в двери.

Кто-то лезет в дом.

Я ждала, что вот-вот опознаю источник звука. Соседский ребенок свалил урну на тротуар. Сквозь подлесок ломится олень. Конечно, это глухое громыханье в другой половине дома, это оно, больше нечему, уверяла я себя и думала, каким безобидным дом окажется при свете дня, каким спокойным и безопасным.

Но шум не смолкал, резко перерастая в реальность. В соседней комнате слышался смех. Голоса. Пневматическое чпоканье холодильника. Я выискивала другие объяснения, но все равно натякалась на самое худшее. Вот как все в итоге закончится. Я попалась — в чужом доме. Среди фактов и привычек не моей жизни. Мои голые ноги исчерканы варикозными венами — какой жалкой я покажусь тем, кто придет за мной. Забившаяся в угол женщина средних лет.

Я лежу в кровати и едва дышу, глядя на закрытую дверь. Жду незваных гостей. Все ужасы, которые я себе навоображала, принимают человеческое обличье, теснятся в комнате — сразу понятно, героизма не жди. Только отупляющий ужас, только физическая боль, которую придется перетерпеть. Убегать я не стану.

Из постели я вылезла, только услышав девочку. Голос у нее был тоненький и безобидный. Впрочем, рано радоваться — Сюзанна и все остальные тоже были девочками, и кому это помогло.

Я жила в доме с чужого плеча. За окном толпились темные прибрежные кипарисы, подрагивал соленый воздух. Питалась я без изысков, как в детстве, — гора спагетти, припорошенная сыром. Пустой скачок газировки по горлу. Раз в неделю я поливала растения Дэна — переправляла их в ванну, держала горшок под краном, пока земля не начинала влажно пузыриться. Не раз и не два я принимала душ, стоя в ванне, усыпанной сухими листьями.

Наследство, остатки бабкиных фильмов — часы ее хищных улыбок на камеру, кудрей аккуратной шапочкой, — я потратила десять лет назад. Я забивалась в пробелы между чужими жизнями, работала сиделкой с проживанием. Воспитывала в себе благообразную незаметность — бесполоя одежда, лица не разглядеть за неопределенно-приятным выражением, какое бывает у садовых статуй. Без приятности было не обойтись, фокус с невидимостью я проделывала, только когда того требовали обстоятельства. Когда я, в общем, сама того хотела. Подопечные у меня были самые разные. Ребенок с особыми потребностями, который боялся электрических розеток и светодоров. Пожилая женщина, смотревшая токшоу, пока я отсчитывала ей таблетки блюдцами, бледно-розовые капсулки — будто неброские карамельки.

Одна работа закончилась, другой пока не появилось, и Дэн предложил мне пожить в их летнем доме — заботливый жест старого друга — так, будто это я ему сделаю одолжение. Застекленная крыша превращала дом в запотевший мутный аквариум, древесина раздувалась, распухала от сырости. Дом словно дышал.

На пляж мало кто захаживал. Слишком холодно, устриц нет. Одну-единственную дорогу через город обрамляли трейлеры, стоявшие посреди расползшихся дворов: хлопают на ветру бумажные вертушки, крылечки завалены выгоревшими буйками и спасательными кругами — украшения бедных людей. Иногда я выкуривала немного пыльной и терпкой марихуаны, оставшейся от прежнего хозяина, затем шла в город за покупками. Дело, которое мне было по силам, понятное — как, например, тарелку вымыть. Тарелка могла быть или грязной, или чистой, и я радовалась таким бинарностям, тому, как на них держался день.

Людей на улицах я почти не встречала. Если в городе и заводились подростки, то, похоже, только ради того, чтобы потом убиться чудовищными, деревенскими способами, — я слышала рассказы о разбившихся в два часа ночи пикапах, о туристах, заночевавших в гараже и отравившихся угарным газом, о мертвом кватербеке. Я не знала, была ли всему виной провинциальность, переизбыток времени, скуки и домов на колесах или это что-то сугубо калифорнийское, световой дефект, побуждающий к риску и глупым киношным трюкам.

В океан я так и не полезла. Официантка в кафе сказала мне, что тут размножаются белые акулы.

Они выглянули из залитой светом кухни, словно два енота — из мусорного бака. Девочка взвизгнула. Мальчик замер, долговязый, тощий. Их было всего двое. Сердце у меня колотилось, но они были такими юными. Местные, наверное, подумала я, решили залезть в пустующий летний домик. Я не умру.

— Что за херня.

Мальчик отставил пивную бутылку, девочка прижалась к нему. Мальчику на вид лет двадцать, одет в шорты капри. Длинные белые носки, алые прыщи под сеточкой щетины. А девочка совсем крошка. Пятнадцать? Шестнадцать? Бледные ноги отсвечивают синевой.

Я постаралась говорить как можно более грозно, вцепившись в край футболки, натягивая ее пониже. Когда я сказала, что вызову полицию, мальчик фыркнул:

— Валяй. — Он посильнее прижал к себе девочку. — Вызывай. А вообще, — он вытащил мобильник, — да в жопу. Я сам их вызову.

Плита страха, которую я выстроила в груди, вдруг рассыпалась.

— Джулиан?

Мне хотелось смеяться. Последний раз я его видела, когда ему было тринадцать, — костлявого, несформировавшегося. Единственный сын Дэна и Эллисон. Над ним тряслись, возили по конкурсам виолончелистов из одного западного штата в другой. По четвергам — уроки мандаринского, ржаной хлеб и жевательные витаминки, родительские щитки от провала. Потом все это стухло и он оказался в Калифорнийском

университете, в Лонг-Бич или Ирвине. Я вспомнила, что там у него были какие-то проблемы. Его то ли исключили, то ли все-таки обошлись с ним помягче и перевели на курс ниже. Джулиан был застенчивым, раздражительным ребенком, сжимался от включенного в машине радио, при виде незнакомой еды. Теперь он огрубел, из-под майки расплзались татуировки. Меня он не вспомнил, да и с чего бы? Я находилась за границами его эротических интересов.

— Я тут поживу пару недель, — сказала я, понимая, что стою с голыми ногами, стыдясь разыгранной мелодрамы, слов про полицию. — Мы с твоим папой друзья.

Я видела, как он силится меня опознать, соотносит с чем-то.

— Эви, — сказала я.

Опять мимо.

— Я жила в Беркли. По соседству с твоим учителем виолончели.

Иногда Дэн с Джулианом заходили ко мне после урока. Джулиан жадно хлебал молоко и, точно робот, дергал ногами, царапая ножки стола.

— Блин, — сказал Джулиан. — Ну да.

Было неясно, то ли он вправду меня вспомнил, то ли я просто перечислила достаточно подробностей, чтобы его успокоить.

Девочка взглянула на Джулиана — лицо пустое, как ложечка.

— Все нормально, малыш. — Он поцеловал ее в лоб, неожиданная нежность.

Джулиан улыбнулся мне, и я поняла, что он пьян, а может, просто накурился. Лицо оплывшее, кожа бо-

лезненно-влажная, впрочем, воспитание включилось на автомате, как родной язык.

— Это Саша, — сказал он, подтолкнув девочку в бок.

— Привет, — застеснявшись, пискнула она.

Я и забыла, какие девочки в этом плане токсикоманки: на ее лице отразилась такая неприкрытая жажда любви, что мне стало неловко.

— Саша, а это... — сказал Джулиан, — это...

Его глаза никак не хотели на мне фокусироваться.

— Эви, — напомнила я.

— Точно, — сказал он. — Эви. Блин.

Он отхлебнул пива, на янтарной бутылке — блики слепящего света. Он смотрел куда-то мне за спину. Оглядывал мебель, книги на полках так, будто это мой дом, а чужак тут он.

— Господи, ты, наверное, подумала, что мы того, что мы как бы в дом вломились.

— Я подумала, вы местные.

— Однажды нас грабанули, — сказал Джулиан. — Я был еще маленький. Нас дома не было. Стащили мокрые купальники и морские ушки из морозилки.

Он снова отхлебнул пива.

Саша не отрывала глаз от Джулиана. Одета она была не для холодного побережья — в обрезанные до коленей джинсы и мешковатую толстовку, наверное, с плеча Джулиана. Манжеты изжеванные и с виду сыроватые. Накрашена она была ужасно, и не макияж даже, скорее, сигнальная система. Я видела, как она нервничает, понимая, что я ее разглядываю. Знакомая тревога. Когда я была в ее возрасте, я даже не знала толком, как двигаться, — а вдруг я иду слишком быстро,

а вдруг люди увидят, какая я зажатая, какая скованная? Как будто все только и делали, что меня оценивали и находили никчемной. Я подумала, что Саша очень юная. Маловата еще для Джулиана и этого места. Она же, словно прочитав мои мысли, глянула на меня с неожиданным вызовом.

— Жаль, что отец не сообщил тебе про меня, — сказала я. — Я могу перебраться в другую комнату, если вам нужна кровать побольше. Или если вы хотите побыть тут вдвоем, я что-нибудь придумаю...

— Не, — ответил Джулиан. — Мы с Сашей где угодно спать можем, да, малыш? И вообще мы тут проездом. Мы на север едем. Траву везем, — добавил он. — Как минимум раз в месяц езжу, из LA в Гумбольдт.

До меня дошло, что Джулиан хочет произвести на меня впечатление.

— Я не торгую, ничего такого, — сразу открестился он, — только вожу. Всего-то и надо, что пара армейских прорезиненных рюкзаков да сканер полицейских частот.

Вид у Саши был встревоженный. Вдруг из-за меня у них будут неприятности?

— Напомни-ка, откуда ты отца знаешь? — спросил Джулиан.

Он осушил бутылку с пивом, открыл вторую. Они привезли с собой несколько упаковок. Другие припасы на виду: ореховый гравий “студенческой смеси”. Невскрытая упаковка жевательных червячков, несвежий, смятый пакет с фастфудом.

— Мы с ним познакомились в Лос-Анджелесе, — сказала я. — Одно время жили вместе.